

АМЕРИКАНСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ

© 2016 г. **М.А. Марусенко***

Статья поступила в редакцию 28.01.2016.

Автор анализирует основные положения американской языковой идеологии и американского языкового империализма. Он показывает, что доминирующее положение англо-американского языка – результат целенаправленной политики, проводимой с 1950-х годов сначала Великобританией, а затем США ради достижения своих политических и, прежде всего, экономических интересов.

Ключевые слова: языковая идеология, языковой империализм, языковая гегемония, языковая политика, экономика, США.

Большинство американцев продолжают считать, что вся планета является продолжением Соединённых Штатов. Подобная информация, распространяемая американскими телеканалами, направлена на создание у телезрителей впечатления, что весь мир говорит по-английски. Так, независимо от того, в какой стране происходит дело, камера обязательно снимает надписи на английском языке. Журналисты всегда стремятся брать интервью у людей, говорящих по-английски, в результате чего американцы действительно уверены, что весь мир говорит на их языке.

Все СМИ, как электронные, так и печатные, пропагандируют английский язык. С их помощью читатели узнают, что нужно говорить по-английски, потому что это объединяет народы, навсегда ликвидирует войны, обеспечивает планетарный экономический обмен, снижает риски агрессивности, возникающие между государствами. В любом случае, это язык будущего. Поэтому все рекламные лозунги, построенные по модели «Наш товар самый лучший», не предполагают даже возможности возражений или рассуждений на данную тему.

Место, занимаемое сегодня английским языком, отнюдь не подарок небес, а исторический результат многих войн, захватов территорий, колониальных экспансий, миграций, осуществляемых сначала Великобританией, а затем США. После Второй мировой войны система языков оказалась под сильным давлением экономических и идеологических факторов.

США и Великобритания продают по всему миру свои культурные продукты, а также хорошо зарабатывают на обучении английскому языку, ставшему высокорентабельной отраслью национальных экономик. Все неанглоязычные

* **МАРУСЕНКО Михаил Александрович** – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ). Российская Федерация, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9 (mamikhail@yandex.ru).

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 15-04-00294.

страны вынуждены финансировать изучение английского языка своими гражданами и оплачивать стоимость переводов с английского языка и на него.

В идеологическом отношении вынужденная практика английского заставляет национальные элиты неанглоязычных стран использовать концепты, выражаемые на этом языке, и разделять мировоззрение, которое они несут. Мультипликативный эффект воздействия экономических и идеологических факторов приводит к ещё большему усилению позиций английского языка. Похоже, что сбылось предсказание У. Черчилля (сделанное им на заседании кабинета министров в 1943 г.) о том, что XX век будет англоязычным веком.

Впервые с конца XIX века доминирование одной державы сопровождается открыто легитимизирующим дискурсом. Так, Ч. Краутхаммер, один из идеологов новых американских правых, утверждавший, что после разрушения Карфагена Римом ни одно государство не достигало таких высот, как Америка, писал в 1998 г.: *«XVIII век был французским, XIX – английским, а XX – американским. Следующий также будет американским»* [8].

Во исполнение этой идеи новые американские правые, олицетворением которых являлся президент Дж. Буш-мл., пытаются обеспечить безопасность и процветание США, разжигая войны, подчиняя своей власти непокорные народы стран «третьего мира», разрушая неугодные государства и навязывая свои порядки всем, кто не разделяет американские моральные ценности. Сенатор Дж. Хелмс заявлял: *«Мы находимся в центре [мира] и обязаны оставаться там. Соединённые Штаты должны править миром, неся моральный, политический и военный факел права и силы, и служить примером для всех народов»* [8].

Усилению роли английского языка способствовала уникальная историческая конъюнктура: «Американский мир» – «Пакс Американа» последовал за «Пакс Британика», сохранив тот же доминирующий язык так, как если бы за Римской империей возникла другая империя, в которой доминировал бы тот же латинский язык.

Многие американцы совершенно искренне не понимают, почему другие народы не хотят переходить на английский, что сделало бы их жизнь намного проще и устранило бы причины многих конфликтов. Ведь если бы все придерживались американских порядков, ценностей и демократии, на земле наступил бы всеобщий мир. В эту же парадигму входят единый язык и единая культура, и всё это соответствует англосаксонской протестантской идеологии (*WASP – White Anglo-Saxon Protestants*), согласно которой англосаксы – богоизбранный народ, предназначенный колонизировать Америку и утвердить идеалы свободы во всём мире. С этой точки зрения возможность пользоваться единым языком служит продолжением того же «божественного выбора». И, соответственно, многоязычие рассматривается либо как утопия, либо как фольклорный пережиток.

Поскольку экспансия английского языка – реальная цель США, все конкурирующие языки, даже большие мировые, относятся к разряду региональных, устаревших или архаичных. Но основным недостатком других языков для американцев считается отсутствие у них универсальности. Многие полагают, что страны Юга бедны потому, что из-за непонятного упрямства там в школах преподаются национальные языки, а матери из-за того же упрямства

говорят с младенцами на своём родном языке. Английское моноязычие представляется символом единства и эффективности, а многоязычие – злом и источником конфликтов.

Точное определение американской языковой идеологии дано американским лингвистом Р. Барчфилдом: *«Любой образованный человек в мире подвергается лишениям, если он не владеет английским языком. Конечно, крайняя бедность или голод признаются самыми жестокими и возмутительными формами лишений. Когда они касаются только языка, их не замечают, но от этого они не становятся менее значимыми»*. Барчфилд утверждал также, что *«любой интеллектuala нуждается в английском, так же как любой человек нуждается в пище»*, а лишение интеллектuala английского языка приравнивается к преступлению [5, р. 12].

Понятие *языковой империализм*, входящее в более объёмное понятие *культурный империализм*, обычно определяется как *«культурное доминирование при помощи языка»*. Исторически полагалось, что речь идёт о колониальной державе, ведущей политику подавления местных языков, в результате которой те либо приходили в упадок, либо исчезали вообще. Однако с 1990-х годов термин *языковой империализм* всё чаще стал применяться к современному англо-американскому языку. В 1992 г. англичанин Р. Филлипсон, известный специалист по преподаванию английского языка и бывший член Британского совета, опубликовал книгу под этим названием [11]. В ней он раскрыл некоторые положения конфиденциального отчёта англо-американской конференции по определению стратегии распространения английского языка (*Anglo-American Conference on teaching abroad*), состоявшейся ещё в 1961 г. На ней было принято решение, что английский должен стать доминирующим языком и заменить другие языки и создаваемые ими картины мира. Если даже хронологически первым будет изучаться родной язык, то затем английский, благодаря своему широкому употреблению, станет основным языком. Таким образом, была окончательно оформлена коалиция между США и Великобританией в области языковой политики. Совместные действия по распространению английского языка были признаны инструментом внешней политики двух стран, что оправдывало значительные инвестиции в эту область. Кроме того, сфера преподавания английского языка как иностранного была признана важнейшей стороной деятельности университетов по обе стороны Атлантики, заслуживавшей крупных государственных дотаций. Как констатировал Британский совет в своём ежегодном докладе, *«преподавание английского языка во всем мире может рассматриваться как продолжение миссии, возложенной на Америку, когда нужно было насаждать английский в качестве общего национального языка её собственному иммигрантскому населению»* [13, р. 16].

Стратегия Британского совета, реализуемая с 1950-х годов, направлена на то, чтобы сделать английский мировым языком: это означает, что он должен стать главным вторым языком во всех странах, кроме тех, где уже является первым. Для этого было необходимо, чтобы британцы и американцы координировали свои усилия в области преподавания английского за рубежом и избегали ненужной конкуренции на пути к общей цели – всемирной экспансии английского языка. Распределение ролей между партнёрами обусловлено истори-

ческими факторами. По словам историка Р. Тройке, «менее чем за четыре века английский язык стал доминирующим международным языком в современном мире. В итоге, это замечательное развитие – результат британских успешных завоеваний, колонизации и торговли в XVII–XIX веках, но оно очень сильно ускорилось благодаря становлению США как великой военной державы и технологического лидера после Второй мировой войны. Этому процессу в большой степени содействовало выделение огромных сумм бюджетных и частных денег в период 1950–1970-х годов, возможно самых значительных сумм за всю историю человечества, потраченных на распространение языка» [15, р. 2].

Особенно важная роль в вышеозначенном документе отводилась развивающимся странам. Причины, по которым разные страны нуждаются в английском, могут быть самые разнообразные – недостаток собственных образовательных ресурсов, необходимость развития технического образования и содействие экономическому развитию, совершенствование государственного управления и высшего образования, внедрение в качестве языка для среднего или даже начального образования. В Африке английский вообще должен считаться африканским языком и посредником, при помощи которого африканцы могут говорить о своих культурных ценностях, что не вступает в конфликт с местными языками. Если страны Британского содружества исторически пользуются английским языком, то страны Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии сделали из него главный язык науки, технологий и материального прогресса в силу неотложных экономических и технических факторов. Даже те новые независимые государства, которые унаследовали от колониальной эпохи другие европейские языки, особенно бывшие французские колонии, должны вводить или расширять у себя изучение английского.

Британский совет считает, что когда дело касается использования английского языка в качестве инструмента экономического развития, необходимо отбросить все традиционные ассоциации между языком и британскими институтами, английской литературой или культурными ценностями. В некоторых государствах преподавание английского вообще должно быть лишено всякого намека на культурное доминирование и связь с британской политикой.

У распространяемого в этих регионах английского языка есть одно преимущество, которого лишена Европа; европейцы могут пользоваться переводами, а страны Африки и Азии – нет. Научная книга на английском может быть адекватно переведена на французский, немецкий, испанский или русский языки, но не на арабский, урду или йоруба (т.е. на те языки, которые ещё не выработали литературную форму или научную терминологию). Этот фактор обуславливает особый подход к преподаванию английского – он должен, прежде всего, ассоциироваться с новыми концептами, за которыми должны последовать книги на английском языке [14, р. 10].

Таким образом, своим современным положением английский обязан не собственным достоинствам, а целенаправленным усилиям, изменившим его естественное развитие и сделавшим всё возможное для его мировой экспансии. Н. Остлер в книге «Последний *lingua franca*» анализирует историю имперских языков – греческого, латинского, персидского, арабского и санскрита – и прихо-

дит к выводу, что язык превращается в *lingua franca*^{*}, когда становится «выгодным» языком, При этом совершенно не принимается во внимание «силовое» измерение. Персидский, например, в течение веков был языком, на котором управлялись разные государства и империи, благодаря военной силе. Однако, говоря о доминировании английского языка, Остлер нигде не упоминает глобальный милитаризм США в XX веке [10, р. XIX]. Он сознательно дистанцируется от исследователей, пишущих о «глобальном английском», таких как Д. Кристал и Д. Грэддол, но считает английский «избранным мировым языком» (*the world's language of choice*), примыкая, таким образом, к классической этноцентрической позиции политиков, занимающихся распространением английского языка. Хотя более корректно было бы анализировать английский как *lingua economica*, *lingua academica*, *lingua cultura*, *lingua bellica* и т.д. [12].

На примере постколониальной языковой политики таких стран, как Малайзия, Шри-Ланка и Танзания, Остлер пытается доказать, что английский является удобным и естественным *lingua franca* для всего населения, игнорируя при этом тот факт, что большинство населения этих стран имеет минимальные знания в английском языке. Английский находится на вершине языковой иерархии и предназначается для формирования элит и исключения народных масс из управления страной. В ряде африканских стран элиты также переключились с местных языков на английский благодаря переходу систем образования на английский язык, финансируемому Всемирным банком. Сегодня рынок заменил собой имперские армии, но результаты остаются те же: смена языков – это не вопрос нейтральности или удобства, но жёсткого контроля со стороны американских колониальных сил.

В отношении европейских стран Остлер считает, что сохранение нидерландского языка в Нидерландах в качестве языка образования – «*излишняя затрата*» по сравнению с переходом на английский язык, поскольку использование нидерландского возводит коммуникативный барьер для его пользователей. Однако национальные языки жизненно необходимы для сохранения национального единства, развития демократии, образования и взаимопонимания в научной сфере, независимо от того, являются ли они первыми или вторыми языками для своих носителей.

Удивительнее всего попытка доказать, что Британский совет никак не связан с мировым распространением английского языка, что противоречит более чем 70-летней практике деятельности этой организации. Огромные американские инвестиции в глобальный английский также нигде не упоминаются. Являясь директором Центра прикладной лингвистики, расположенного в Вашингтоне, Остлер делает вид, что не видит очевидного языкового империализма, направленного на постколониальные страны и во всё большей степени на Европу. Он не пишет о связи между английским языком и глобальными системами – политической, экономической, финансовой, военной и образовательной, создаваемыми с 1945 года [10].

Основные усилия США и Великобритании были направлены на подготовку преподавателей английского языка, на разработку программ и учебно-

* Широко распространённый язык.

методического обеспечения, а также на изменение политики других стран в сфере школьного и университетского образования. При этом политические цели явно преобладали над учебно-методическими. Р. Филлипсон пишет: *«Преподавание английского людям, говорящим на нём не от рождения, может навсегда изменить восприятие мира обучаемыми. Если и когда новый язык становится по-настоящему употребительным в слабо развитой стране, мировоззрение учащихся полностью меняет свою структуру. Министерство образования, испытывающее давление со стороны националистов, может неправильно оценивать интересы страны. Националистические взгляды могут похоронить всякую надежду на использование английского как второго языка. Английский стал не только выразителем современных мыслей и чувств англоязычного мира, но и носителем всей гуманистической традиции развития, всего наилучшего (и наихудшего), что было осмыслено и прочувствовано человечеством с тех пор, когда появилась письменная история»* [11].

Таким образом, английский служит единственным языком, в котором нуждается современный мир. Конечно, новые независимые государства могут, под давлением национализма, быть настолько неразумными, чтобы сопротивляться внедрению английского, но в таких случаях нет необходимости считаться с их волей: *«В подобных случаях их пожелания могут быть отклонены»* (*That in such cases their wishes should be overruled*) [11]. В принципе, конечно, неанглоязычные страны могут сами определять свою политику в сфере изучения иностранных языков, но они нуждаются в советах, позволяющих понять, в чём заключается их выгода. Так, если министры образования других государств, ослеплённые узконационалистическими интересами, не соглашались с такой постановкой вопроса, долг представителей англоязычных наций заключается в том, чтобы давать им советы или, при необходимости, требовать их замены на других, более лояльных: *«Если какой-нибудь министр образования неадекватно оценивает интересы своей страны, следует напомнить ему, что английский язык является носителем всего, что было осмыслено и прочувствовано в течение многих веков, а также ключом к блестящему будущему, ожидающему нас»* [11]. С этой точки зрения, внедрение английского имеет целью не только замену одного языка на другой, но и навязывание других ментальных структур и целостного мировоззрения, свойственного американским англосаксам.

Всемирное распространение английского языка приносит англоязычным странам значительные политические и коммерческие выгоды. Англофоны контролируют не только рынок обучения английскому языку, но также и рынок издания учебников, словарей, распространения методик обучения. По самым минимальным подсчётам, благодаря использованию английского в других странах одна только Великобритания ежегодно экономит на изучении иностранных языков и закупке учебников не менее 25 млрд. долл., а США просто отменили обязательное изучение иностранных языков в средних и высших учебных заведениях, экономя не менее 16 млрд. долл. в год. В то же время другие страны несут большие расходы по обучению английскому, приобретению учебной литературы и переводам с английского и на английский. По расчётам Ф. Грена, в 1999 г. трансферт на эти цели из стран Европейского Союза в Великобританию составлял не менее 10 млрд. долл. Одна только Франция

тратит на изучение иностранных языков в 4 раза больше, чем Великобритания. Ещё в более худшем положении оказываются страны, чей национальный язык используется только в одной стране, такие как Венгрия, Болгария, Дания, Греция и др. [8].

Языковая политика США направлена на достижение двух связанных между собой целей: за пределами англоязычного ареала повсюду навязывать английский монолингвизм, а на своей территории всячески ограничивать языковое разнообразие и укреплять монолингвизм, который в значительной степени подорван из-за быстрого роста доли испанофонов (испаноязычных) в населении [1, с. 46–62]. Э. Хобсбаум подчёркивал, что американская культурная гегемония всегда имеет политическое измерение, которого не было у английской: Америка хочет переделать мир по определённой модели, в качестве которой предлагает саму себя [9, р. 58].

Внедрение английского языка в неанглоязычные страны всегда начинается со смены языка национальных элит. А затем, благодаря массовому изучению английского представителями среднего класса, неанглоязычные страны постепенно ассимилируют англосаксонские ценности. Контент, переносимый с помощью английского языка, содержит ценности, предрассудки, стереотипы и четкие директивы о том, что народы должны думать о самих себе и о том месте, которое англосаксы отводят для них в мире. По всему земному шару распространяется один и тот же «месседж», который, в конце концов, укореняет в головах людей идею об универсальном характере англосаксонской культуры и английского языка, по сравнению с которым родной язык – всего лишь забавный «патуа» (диалект). В идеале, «аборигены» должны начать положительно относиться к тому, что выдается за их национальные интересы. Маленькие дети во всем мире, благодаря раннему изучению английского языка, отказываются от своей родной культуры, кажущейся им неполноценной, и впитывают доминирующую англосаксонскую культуру. Таким образом, англоязычный языковой империализм постоянно воспроизводит структурные и культурные неравенства между английским и другими языками.

Сегодня не только сами англосаксы убеждены в превосходстве своего языка над другими, но эту точку зрения разделяют и другие нации, охотно изучающие английский, чтобы избежать «языкового апартеида». В результате весь мир становится сообщником англо-американского империализма. Те страны, которые маргинализируют свои собственные языки в угоду американско-английскому либерализму, несут часть ответственности за эту ситуацию.

Вопреки пропагандистским лозунгам, распространение английского языка не является политически нейтральным, оно в точности соответствует движению американских капиталов. Не случайно две крупные мировые державы – постсоветская Россия и постмаоистский Китай, решив участвовать в экономической глобализации, принялись усиленно изучать английский язык. Европа и страны Латинской Америки также решили сделать английский своим вторым языком. Таким образом, глобализация открыла доступ к той части мира, где используется только английский язык.

Чем шире будет распространяться изучение английского языка, тем сильнее будет колониальное влияние США и Великобритании на национальные

общества англоязычных стран. В любом случае победителями в англоизации будут только англосаксы, поскольку она осуществляется целиком за счёт других стран. Так, любая международная организация, применяющая английский, автоматически попадает под контроль англофонов от рождения, поскольку только они могут гарантировать качество английского языка. Однако если бы неанглоязычные страны запретили у себя изучение английского языка, это вызвало бы народные волнения, до такой степени социальный рост и повышение благосостояния связаны с владением английским.

Стоит отметить, что даже Канада, слывающая образцом языковой толерантности, испытывает на себе влияние английского языкового империализма. Канада никогда не была страной, населённой носителями только английского и французского языков. Такая точка зрения была навязана Королевской комиссией по билингвизму и бикультурализму в 1960 г., посчитавшей, что в стране есть только две государствообразующие нации: англичане и французы. Все другие этнические группы вообще не принимались во внимание и в переписях канадцы учитываются всего по трём категориям: англофоны, франкофоны и аллофоны (все остальные). Такой подход к языку влечёт за собой установление иерархии языков и культур, которая очень похожа на «расовый порядок» [7, р. 4]. Канадские автохтонные народы и иммигрантские этнические группы считались разьединёнными и конфликтующими между собой, и это было предметом консенсуса между франкоязычными и англоязычными канадцами. Хотя натурализационный статус обоих языков формально одинаков, поскольку для натурализации требуется владение одним из двух официальных языков, явный перевес в пользу английского при выборе языка иммигрантскими меньшинствами свидетельствует о реальном доминировании английского.

Отвечая на вопрос, откуда исходит притягательность английского языка, нужно сразу же сказать, что его почти эксклюзивное использование в таких престижных сферах, как международные отношения, торговля, наука или культура никак не связано с его внутренними достоинствами. Часто встречаются утверждения, что он притягивает людей благодаря лёгкости изучения. Однако определение степени лёгкости языка остаётся очень спорным и субъективным делом, зависящим от того, кто изучает данный язык как второй. Для многих народов, населяющих земной шар, английский кажется очень трудным языком, поскольку у него противоречивая грамматическая система, трудное произношение и очень запутанная орфография.

То, что английский постепенно вытесняет с международной арены другие большие языки, объясняется отнюдь не большой любовью народов к американцам или англичанам. Наоборот, после терактов в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. американцы, до того уверенные, что весь мир восхищается ими и их образом жизни, с удивлением узнали, что их могут ненавидеть. Люди изучают английский язык по практическим соображениям, в надежде иметь возможность общаться со всем миром, и английский даёт им её, потому что после распада СССР в 1991 г. только США отвечали критериям, определяющим супердержаву: военная мощь, экономическое развитие, технологические инновации и культурное влияние. Как отметил У. Эко, итальянский учёный и писатель, *«нынешний успех английского — совместное порождение колониальной*

и торговой экспансии Британской империи и гегемонии технологической модели Соединённых Штатов. Вполне вероятно, что распространение английского облегчается тем, что этот язык богат односложными словами, способен вбирать в себя иностранные термины и создавать неологизмы; но если бы Гитлер победил, а Соединённые Штаты были бы низведены до уровня конфедерации крохотных государств, не более сильных и стабильных, чем государства Центральной Америки, разве нельзя выдвинуть гипотезу, согласно которой весь земной шар сегодня с такой же лёгкостью заговорил бы по-немецки, и по-немецки рекламировались бы японские транзисторы в Duty Free Shop (или тогда уж Zollfreie Waren) гонконгского аэропорта?» [3, с. 339].

Язык приобретает статус международного, в первую очередь, благодаря «политической силе» его носителей. Так, два тысячелетия назад греческий язык стал языком-посредником на Среднем Востоке не из-за высокого интеллекта Платона и Аристотеля, а благодаря мощи армии Александра Македонского. Латынь распространилась по Европе также благодаря силе римских легионов. История международного языка пишется через победы его солдат и первооткрывателей. И английский язык в этом отношении не является исключением.

Вооружённые силы США начали участвовать в экспансии английского языка ещё со времен Первой мировой войны, но особый размах это участие приобрело после Второй мировой войны. Американские войска присутствуют более чем в 110 странах, расположенных на всех континентах. Сотни тысяч американских солдат служат на военных базах, раскиданных по всему миру. Между присутствием американских войск и популярностью английского языка в странах их дислокации существует прямая связь. Так, местные поставщики продовольствия, товаров и услуг обязаны работать только на английском языке, что придаёт ему привилегированный статус в этих странах. Почти в каждой стране для американских солдат работают радио- и телестанции, вещающие на английском языке. Для выполнения вспомогательных операций и строительных работ американцы нанимают местный персонал, рабочим языком которого также должен быть английский. Такой односторонне провозглашённый монолингвизм имеет большие политические последствия, если учесть количество американских баз по всему миру. Ни одна страна, даже такая, как Германия или Япония, не оспаривает этот порядок.

До последнего времени ни одно государство не могло соперничать с экономической мощью США. Американские предприятия расположены по всему миру, и это – эффективное средство распространения английского языка. Глобализация экономики представляла собой современную форму американизации, потому что она развивалась преимущественно за счёт американской экономики. Торговые и финансовые связи, которые формируются в глобализованной среде, необходимы для развития всех стран. Следует отметить, что практически все мировые финансовые сети либо проходят через США, либо начинаются или оканчиваются в них.

Во всех американских мультинациональных предприятиях, расположенных за рубежом, английский является обязательным языком для ведения бухгалтерии и составления финансовых отчётов. Всё большее число предприни-

мателей и фирм используют английский в своей отчётности. В большинстве случаев это делается с помощью программных средств, разработанных в США и имеющих документацию на английском, ту же самую, что используется в Соединённых Штатах. Вообще, американцы считают, что родные языки тех стран, в которых они работают, плохо приспособлены для создания прибавочной стоимости и пользуются этим в своих интересах при попустительстве правительств этих государств.

Культурное влияние английского языка объясняется не столько численностью его носителей от рождения, сколько экономической и дипломатической поддержкой. В этой сфере основные носители американских ценностей – кинематограф, песни и интернет.

В области культуры американцы сумели навязать всему миру свои «стандарты качества». Вовсе не обязательно, что американские фильмы или песни лучшие в мире, просто США имеют возможность распространять их по всему миру. Успех американской культурной продукции в значительной степени объясняется хорошим маркетингом. Индия, например, производит ежегодно почти вдвое больше фильмов, чем США, но увидеть индийский фильм в Соединённых Штатах или в европейских странах практически невозможно, тогда как весь мир заполнен американской кинопродукцией на английском языке или дублированной. *Американские фильмы* занимают более 90% рынка кинопродукции в Германии и Бельгии, более 80% – в Италии и Испании, около 60% – во Франции. Английский язык стал доминирующим языком мирового кинорынка, поэтому многие деятели киноиндустрии во всём мире считают, что их национальные языки представляют барьер на пути к международному распространению их продукции и стараются работать по международным стандартам, определяемым и навязываемым американской культурной индустрией, и, по возможности, на английском языке.

Американцы широко используют дублирование фильмов для расширения экспорта своей кинопродукции, но никогда – для импорта иностранных фильмов. В США действует запрет на импорт дублированных иностранных фильмов, поэтому все они в США сопровождаются субтитрами. Цель этого – намеренное сохранение культурной изоляции США, с одной стороны, и расширение экспорта американской идеологии – с другой. Многочисленные американские телесериалы пропагандируют по всему миру американский образ жизни, воспевают протестантскую идеологию и распространяют якобы «универсальные» моральные ценности, на самом деле замешенные на пуританской морали. Благодаря этому США, производящие 5% мировой кинопродукции, получают не менее 50% мировых киносборов.

Важный элемент американской культурной экспансии – *поп-музыка*. Американские песни настолько широко распространены во всём мире, что национальное производство в большинстве стран сведено к уровню традиционного фольклора, а во многих странах оно практически прекратилось. Так, почти невозможно купить *CD* или *DVD* с песнями на шведском, нидерландском, малайском или других языках, либо потому, что они не производятся, либо потому, что они не представлены на международном рынке.

Только самые большие страны, например Китай, Россия, Германия, Франция, Италия, Бразилия и некоторые другие, сохраняют национальное производство музыкальной продукции. Для того чтобы получить известность за рубежом, неанглоязычные исполнители должны обязательно петь по-английски, но затем их песни блокируются британскими и американскими продюсерами. Американские или британские певцы легко добиваются успеха за рубежом, но шансы неанглофонов, даже поющих на английском, добиться успеха в США или Великобритании, очень малы. В то же время американская поп-музыка завоевала весь мир благодаря тому, что все сети распространения контролируются американцами, защищающими свой рынок.

Большинство центров технологических инноваций находится в англоязычных странах (США, Великобритания, Австралия, ЮАР, Индия) либо в странах, где в этих центрах рабочим языком является английский (Швеция, Норвегия, Финляндия, Германия, Тайвань, Малайзия, Сингапур). США продолжают опережать другие страны в области научно-исследовательских и технологических разработок и имеют достаточно свободных капиталов, чтобы приобретать передовые европейские и азиатские предприятия.

Самой характерной сферой технологического, языкового и культурного доминирования США является *интернет*. Американцы создают видимость того, что все интернет-технологии имеют американское происхождение. Эта ставшая почти всеобщим убеждением иллюзия значительно облегчает американскую экспансию на рынке ИКТ (информационные коммуникативные технологии). В самом деле, первые программы создавались для обработки текстов на английском языке. 7-битный код *ASCII* (*American standard code for information interchange*) плохо работал с письменностями, отличными от английской. И американцы не были заинтересованы в замене этой системы, которая предоставляла им значительные преимущества, тем более, что другие нации не возражали против этого или не осмеливались выражать свои протесты вслух. Однако в начале 1990-х годов были разработаны 16-битные системы кодировки, позволяющие закодировать огромное число символов из разных письменностей. Система *UNICODE* позволяет кодировать китайские иероглифы, математические символы, кириллицу, латиницу, греческий и прочие алфавиты. Поэтому начиная с 1980-х годов доля английского языка в интернете начала снижаться. В 1990 г. она составляла 90%, в 2002 г. – 50%, в 2009 г. – 29%, в 2011 г. – 26,8% и продолжает снижение. В то же время растёт число пользователей на других языках. За последние десять лет наибольший прирост по числу пользователей имели арабский (2 501,2%), русский (1 825,8%), китайский (1 478,7%), португальский (990,1%), испанский (807,4%) языки [17]. Однако интернет, как всякий инструмент, может оказывать поддержку использованию какого-либо языка или являться средством интеграции в чужую культуру. Это происходит в случаях, когда неанглоязычная страна решает использовать на своих сайтах не свой национальный, а английский язык.

Специфический интерес к *языку научных публикаций* – также характерная черта американского языкового империализма. При том, что 95% всех мировых научных изданий обеспечиваются шестью языками (английский, русский, японский, испанский, французский и китайский), все языки, кроме английского, со-

кращают свои доли. Ещё в 1990 г. на английский приходилось 64,7% всех научных изданий, а на втором месте с большим отрывом шел русский. Сегодня более 80% журналов, индексируемых в списке журналов «Скопус» (Scopus), издаются на английском. Использование английского как универсального языка науки объясняется политическими и экономическими факторами, создающими английскому языку преимущества перед его потенциальными конкурентами. На рис. 1 показана динамика отношения числа научных публикаций на английском языке к числу публикаций на национальных языках восьми стран в период 1996–2011 гг. [16]. Видно, что в последние годы особенно интенсивный рост публикаций на английском языке имел место в Нидерландах, Италии и Российской Федерации, тогда как во Франции, Испании и Китае ситуация стабилизировалась, а в Бразилии отношение числа публикаций на английском к числу публикаций на португальском даже уменьшилось.

Среди 4000 самых авторитетных научных журналов 80% находятся под контролем британских и американских издательств, а оставшиеся сами стремятся перейти под их контроль и всё чаще начинают издаваться на английском.

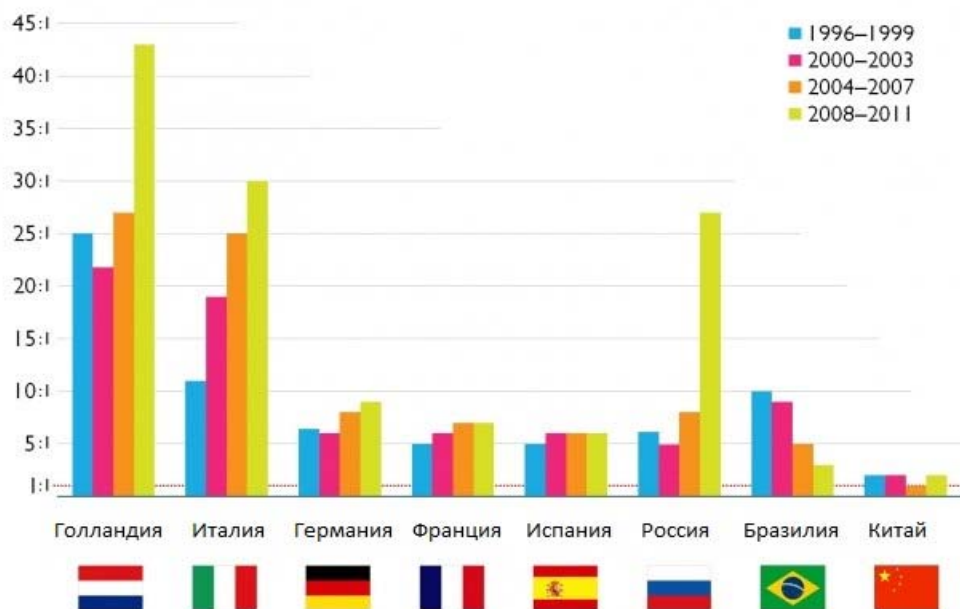
Начиная с 1960-х годов в США отказывались публиковать статьи, написанные на других языках, кроме английского. Навязывание единого языка научных публикаций было сделано под давлением американских университетов и самих учёных. Дело в том, что подавляющее большинство американских учёных, не считая, естественно, иммигрантов, не знают другого языка. Поэтому конкурсные комиссии американских университетов просто игнорируют публикации на других языках. Американцы считают, что все научные открытия совершаются в США и возможны только на английском языке. Более того, они уверены, что большинство учёных в мире – американцы. Причина этого в том, что американская научная среда организована таким образом, что никогда не пропагандирует открытия, сделанные европейскими, русскими или китайскими учеными, но в лучшем случае она игнорирует их, если только нет возможности присвоить себе их авторство.

Тот факт, что США стали главным источником распространения английского языка в сфере науки и культуры, объясняется исключительно их экономическими интересами. В масштабах всей планеты англоязычный ареал насчитывает около 60 стран, в которых проживают почти 2 млрд. человек. Это самый крупный языковой рынок на планете. Поэтому англосаксов интересует не столько сам английский язык, сколько его экономическая рентабельность. Распространение английского – серьёзный источник обогащения для американцев и британцев.

Парадоксально, но неанглофоны делают вид, что им это неизвестно. Они наивно верят, что их работы будут лучше известны в англоязычном мире, хотя, хуже владея английским, они становятся менее конкурентоспособными. Зато их работы приносят больше пользы англо-американской экономике, чем собственной стране. Систематическое использование английского языка ведёт к тому, что все открытия начинают ассоциироваться с англосаксонским миром, хотя на самом деле они имеют европейское, японское, китайское или русское происхождение. Нельзя игнорировать и то, что, публикуя свои работы на английском в англо-американских журналах, учёные в обязательном порядке

должны принять англо-американскую систему цитирования и добиваться целей, поставленных американцами, иначе они будут признаны неактуальными и неоригинальными.

Отношение числа научных публикаций на английском языке к числу публикаций на национальных языках восьми стран в период 1996–2011 гг.

Нужно также иметь в виду, что более 90% присылаемых статей не публикуются и их содержание остаётся неизвестным. Поэтому в США широко распространена практика использования чужих идей, почерпнутых из работ неанглоязычных учёных, если, конечно, они не были ранее опубликованы в своей стране. И иностранный учёный не может ничего доказать либо должен ввязываться в длительный и дорогостоящий судебный процесс (по американским законам и на английском языке), шансы выиграть который у него практически равны нулю. Поэтому японцы, например, обязаны публиковать свои результаты в национальных журналах, если в финансировании хотя бы частично участвуют бюджетные деньги.

Широкую известность получил многолетний судебный процесс, который пришлось вести Пастеровскому институту, чтобы доказать приоритет в открытии профессором Люком Монтанье вируса СПИДа, который пыталась присвоить себе американская лаборатория профессора Роберта Галло, куда на рецензию была отправлена посланная в журнал «Сайенс» статья французских учёных. Галло потребовал, чтобы ему прислали микробиологические образцы, а пока велась переписка и доставка препаратов, опубликовал полученные французами результаты как свои собственные. Только благодаря сохранившимся транспортным документам и дорогим американским адвокатам Пастеровскому институту удалось отстоять свой приоритет.

Когда учёный посылает свою статью в американский научный журнал, она попадает на рецензию к назначенному редколлегией специалисту, который оценивает её содержание и принимает решение о целесообразности публикации. Такой специалист находится в положении биржевого спекулянта: ему доверена конфиденциальная информация о компаниях, акции которых котируются на бирже. Но если в бизнесе использование инсайдерской информации является наказуемым преступлением, в случае научных публикаций это совершенно безопасно. Как может малоизвестный учёный, совершивший открытие, доказать, что некий профессор престижного американского университета украл его идею, если он получил из редакции ответ, что статья не имеет никакой ценности и не будет опубликована? Самое интересное, что новейшую научную информацию англосаксы получают совершенно бесплатно и даже если её никто не запрашивал [2, с. 380–382].

Американцы, ощущая свою полную безнаказанность, даже не скрывают технологию такого воровства. Один из экспертов, профессор престижного американского университета Ч. Дюран, так описывает эту процедуру: *«По крайней мере 90% статей, которые мы получаем, ничего не стоят, 2% – оригинальны и заслуживают публикации, 5% – представляют развитие предыдущих работ, и мы должны их публиковать. И, наконец, менее 1% статей содержат информацию о новых направлениях исследований, которые могут привести к коммерческим применениям. Мы получаем эти статьи в эксклюзивном порядке, самыми первыми, до всякой публикации. Они попадают к нам на серебряном блюде, написанные на нашем языке, хотя мы никого ни о чём не просили. Неужели вы хотите, чтобы мы отказывали себе в использовании лучших идей? Даже имея самые лучшие намерения, мы не можем не испытывать их влияния – желание корректировать цели исследований и использовать для себя самые многообещающие идеи. Не забывайте – большинство этих статей приходят из-за границы, и то, что в них написано, никогда раньше не публиковалось ни на английском, ни на других языках. С другой стороны, мы проводим от трети до половины нашего времени в поисках денег для финансирования наших исследований. У многих из нас нет никаких гарантий продления контрактов. Конкуренция за гранты, которые тают, как снег на солнце, очень жестокая. Все стараются блеснуть, даже если этот блеск – только видимость... В этих условиях, как вы понимаете, мы пользуемся любой интересной идеей, на которую мы должны дать отзыв. Некоторым из моих коллег приходилось отказывать в публикации статьи, когда они хотели пиратски использовать её содержание и закрепить за собой приоритет публикации. Хотя в большинстве случаев в этом даже нет необходимости... В целом, из-за недостатка улик нас не могут даже обвинить в плагиате. Галло проиграл процесс против Пастеровского института потому, что он получил образцы и, таким образом, появились материальные следы»* [6, р. 831].

Большую роль в сохранении или распространении любого языка играют демографические факторы, среди которых важнейший, но не единственный – численность носителей данного языка. Кроме того, необходимо учитывать фертильность языковой группы, способность к ассимиляции мигрантов и географию распространения языка. Так, 320–380 млн. человек пользуются анг-

лийским как первым (материнским) языком (*L1*)^{*}. Они проживают, в основном, в США, Великобритании, Канаде, Ирландии, Австралии, Новой Зеландии, ЮАР. Носители английского языка как второго (*L2*) составляют 150–300 млн. человек и проживают в Камеруне, Индии, Кении, Малайзии, Нигерии, Пакистане, на Филиппинах и в Сингапуре. Носители английского языка как иностранного (*EFL*)^{**}, т.е. люди, способные использовать его в качестве языка-посредника при общении с иностранцами, составляют от 100 млн. до 1 млрд. человек. Это жители Германии, Китая, Японии, Мексики, России и т.д. Нужно иметь в виду, что, хотя в мире никогда не было такого числа англофонов от рождения (*L1*), как в настоящее время, относительная доля этой группы в общей численности англофонов снижается из-за роста численности группы *L2*. По некоторым оценкам, число людей, в какой-то степени компетентных в английском языке, составляет ещё 1,5 млрд. человек. К тому же страны группы *L2* имеют самые быстрые темпы роста населения. Целый ряд государств, таких как Аргентина, Бельгия, Дания, Нидерланды, Норвегия находятся на стадии перехода из группы *EFL* в группу *L2*. В целом, на сегодняшний день ни один язык, кроме китайского, не может составить конкуренцию английскому по числу носителей [8].

Британский совет открыто заявляет: с помощью *английского языка легче поддерживать права человека, демократические правительства, разрешать конфликты и помогать демократическим процессам, обеспечивать доступ к информационному обществу, мировым СМИ и свободу мнений* [4]. Неужели британцы на самом деле думают, что людям других стран легче выражать свои мысли на английском языке, чем на почти 7000 своих родных языков? Подобный этноцентрический и лингвоцентрический дискурс сам по себе является нарушением прав человека, которые должны принадлежать носителям всех языков.

Список литературы

1. Марусенко М.А. Внутренний языковой империализм США: от «плавленного котла» к «салатнице» // США ♡ Канада: экономика, политика, культура. 2013. № 10. С. 46–62 [Marusenko M.A. U.S. Domestic Language. Imperialism: from Melting Pot to Salad Bowl // USA ♡ Canada. 2013. No. 10].
2. Марусенко М.А. Языковая политика Франции. СПб: Издательский дом СПбГУ, 2011. [Marusenko M.A. Domestic Language Policy of France. SPbSU Saint Petersburg]. 624 с.
3. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб: Alexandria, 2007. [Acco U. Perfect Language Search in European Culture. SPb.: Alexandria, 2007]. 423 с.
4. British Council. Press pack for English 2000 project. British Council.
5. Burchfield R. W. The English Language. Oxford: Oxford University Press, 1985, 194 p.
6. Durand Ch.-X. Le français, une langue pour la science (I à VIII) Available at: http://www.voxlatina.com/vox_dsp2.php3?art=831 (accessed 20.05.2016).
7. Haque E. Multiculturalism Within a Bilingual Framework: Language, Race, and Belonging in Canada. Toronto: University of Toronto Press, 2012. 309 p.

* Language 1 (*L1*); Language 2 (*L2*).

** English Foreign Language.

8. Histoire sociolinguistique des États-Unis. La superpuissance et l'expansion de l'anglais. Available at : http://www.axl.cefan.ulaval.ca/amnord/usa_6-8histoire.htm (accessed: 02.12.2015).
9. *Hobsbawm E.J.* Les enjeux du XXe siècle. Bruxelles: Editions Complexe, 2000, 199 p.
10. *Ostler N.* The Last Lingua Franca. English Until the Return of Babel. London: Penguin (Allen Lane), 2010, 352 p.
11. *Phillipson R.* Linguistic Imperialism. Oxford: Oxford University Press, 1992, 190 p.
12. *Phillipson R.* Linguistic imperialism continued. New York and London: Routledge, 2009, 289 p.
13. The British Council's Annual Report 1960-1961. Available at: http://www.teachingenglish.org.uk/sites/teaching/files/F044%20ELT-29%20The%20English%20Language%20Abroad_v3.PDF (accessed 20.12.2015).
14. The English Language Abroad: Extracted from the British Council's Annual Report, 1960-61. 27 p.
15. *Troike R C.* Editorial: The Future of English // The Linguistic Reporter. 19.8.1977.
16. *Weijen D. van.* The Language of (Future) Scientific Communication // Available at: <http://www.researchtrends.com/issue-31-november-2012/the-language-of-future-scientific-communication> (accessed: 05.01.2016).
17. Internet Word Stats. Usage and Populations Stats. Available at: <http://www.internetwordstats.com/> (accessed 18.05.2016).

American Language Ideology

(USA ❖ Canada Journal, 2016, no. 11, p. 3-18)

Received 28.01.2016.

MARUSENKO Mikhail Aleksandrovich, St.-Petersburg State University. 11, Universitetskaya nab., office 180, St.-Petersburg, 199034, Russian Federation (mamikhail@yandex.ru).

Acknowledgments. The article has been supported by a grant of the Russian Foundation for Humanities (RGNF), project 15-04-00294.

The article analyzes the main provisions of American language ideology and of American linguistic imperialism. It is shown that the dominant position of the Anglo-American language is the result of a deliberate policy pursued since the 1950s first by Britain and then by the United States to achieve its political and, above all, economic interests.

Keywords: Language ideology, linguistic imperialism, linguistic hegemony, language policy, economy, United States.

About the author:

MARUSENKO Mikhail Aleksandrovich, professor, doctor of sciences (philology), Head of the Department of Romance languages.